

РЕЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР» В ПОВЕСТИ А. А. ЗОЛОТАРЕВА «НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ»

Алексей Алексеевич Золотарев (1879–1950) — писатель горьковского каприйского круга, религиозный мыслитель, наследник идей русского космизма. За свою жизнь он создал относительно небольшое количество художественных произведений, однако его творчество исследовано в малой степени. Именно поэтому его художественные произведения и публицистика представляют научный интерес для филологов.

В нашей работе мы обращаемся к повести А. А. Золотарева «На чужой стороне» (1910). Нас будет интересовать, каким образом она связана с поэмой «Великий Инквизитор», вошедшей в роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Повесть «На чужой стороне» написана в Рыбинске, родном городе Золотарева, после его ссылки в Нарымский край, и содержит следы впечатлений от знакомства со ссылными, среди которых было много поляков. В 1907 году в издании «Gazeta polska» Золотарев опубликовал свой перевод воспоминаний Симона Токаржевского, который отбывал каторгу вместе с Достоевским [2, с. 872].

По мнению Е. А. Осиповой, прототипом пана Юлиуша является Юлиуш Славацкий (1809–1849), с произведениями которого Золотарев познакомился в ссылке. Так, в поэмах «Ангелли» и «Крульдух» Юлиуша Славацкого утверждается идея мессианского назначения польского народа — его страдание для искупления грехов всего человечества.

Действительно, в описании пана Юлиуша есть сходство с иконографическим образом Иисуса Христа: «...изможденное, худое лицо пана Юлиуша, со впалыми, бледными щеками...осунулось и побледнело, резко очерченные линии лица обострились, и почему-то казалось, что сейчас на него от бронзового распятия вместе с бледно-желтыми отсветами зари падают жуткие тени предсмертных мук и страдания, и только глаза... глаза пана Юлиуша по-прежнему светились живой детскую верой, да еще в углах

тонких, бескровных губ, как и раньше, теплилась, не погасая, мудрая стариковская улыбка» [1, с. 85].

Кроме того, сам пан Юлиуш говорит о своем народе как о Мессии: «Мы, поляки, тоже славяне и такие же, если не больше вас, россиян, тайновидцы и мистики. Мы тоже недавно пережили и прочувствовали ту старую легенду, мы, поляки, поняли и вновь открыли миру ее вечную силу и правду. И даже больше скажу: то не легенда, то было, было не раз, было!» [1, с. 97-98]; «Крестный путь Сына Человеческого еще не кончен на земле. Он ходит... “Камо грядеши, Господи?” “В Рим на второе распятие”» [1, с. 97].

«Камо грядеши» — это роман польского писателя Г. Сенкевича. Название этого романа Сенкевич взял из старинной легенды, в которой описывается, как Петр тайно ушел из Рима после уничтожения почти всех христиан и встретил Иисуса, которого спросил: «Куда идешь, Господи?», а Иисус ему ответил: «Раз ты покинул народ мой, я иду в Рим на второе распятие». После этих слов Петр вернулся в Рим и принял мученическую смерть. Пан Юлиуш сопоставляет свой народ с Христом, который идет на новые мучения.

Обращение героя Золотарева к поэме «Великий Инквизитор» из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» показывает, что на религиозно-философские идеи пана Юлиуша оказал влияние труд В.В. Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе» [Розанов В.В.], поскольку жанр этого произведения самим Достоевским определялся как «поэма», а не «легенда», как ее именует пан Юлиуш. Кроме того, монолог пана Юлиуша содержательно перекликается с «Легендой о Великом Инквизиторе» Розанова: это обращение к роману «Бесы» («дьяволов водевиль») [5, с. 10], который, по мнению Розанова, предвосхищает поэму, а также апокалипсическая идея поклонения Зверю, воспринимаемая как торжество материализма — «знание кормящее, но уже не просвещающее человека» [5, с. 12].

Однако в речи пана Юлиуша проявляется отличие от идей Розанова. Можно предположить, что это связано с осмыслением романа Достоевского самим Золотаревым, который часто в своих произведениях использовал форму диалога для раскрытия антиномий мышления. Если Розанов воспринимает кульминацию поэмы — поцелуй

Христа — как диалектику добра и зла, которая может увести человека от Истины, у Золотарева — это «Евангелие наизнанку» [1, с. 96], то есть сознательная подмена Истины ложью. Эта идея строится на прецедентной ситуации, взятой из Евангелия, но представленной наоборот: Иуда целует Христа в Евангелии — Пленник (Христос) целует Великого Инквизитора (антихриста) в поэме Ивана Карамазова. Оба поцелуя становятся символом предательства, как утверждает Слово пана Юлиуша насыщено аллюзиями к русской классической литературе и фольклору: это былины, летопись «Повесть временных лет» [1, с. 94], поэма «Мертвые души» Н.В. Гоголя [1, с. 91], «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского [1, с. 97] и другие. Эти прецедентные тексты помогают герою Золотарева выстроить полемику с идеями «Великого Инквизитора».

Обратимся к аллюзии к «Повести временных лет». Важно отметить, что в данном контексте она играет важную роль: реальность историческая соотносится с реальностью современной: «То — не конец всемирной истории, то начало вашей истории, то — всего только лето 6370 Летописи Нестора, то: *«Пойдете княжить и володеть нами!»* возведенное вами в чудовищно-огромную степень мировой необходимости» [1, с. 94].

Пан Юлиуш, используя подобную аллюзию в контексте разговора о движущих силах революции, намекает студенту Ветрову на утверждение цикличность истории. Эта историческая аллюзия подтверждает мысль пана Юлиуша, что ситуация явления Великого Инквизитора в России уже была: народ отказался от свободы, признав власть Рюрика, власть царя, отказавшись от самоуправления.

Интересна и аллюзия к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Золотарев обращается к ней, так как название ее является идейным ключом к повести «На чужой стороне». Духовный смысл названия поэмы, заключающийся в изображении, прежде всего, живых людей, потерявших душу, раскрыт автором в предсмертной записи: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом...» [2, с. 873]. Пан Юлиуш сопоставляет поэму Гоголя «Мертвые души» и повесть Достоевского «Записки из Мертвого дома» как свидетельство о том, что умирает душа русского народа:

«пусть она страшная страна Мертвых душ и Мертвых Домов, как вы же сами — дети ее — ославили матку свою на целый мир» [1, с. 99].

Наиболее важна для нас аллюзия к поэме о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского, в которой автор обобщил свои размышления о духовной свободе человека. Самое страшное, что несет русский народ, по мнению героя Золотарева, это «страстное исповедание веры наизнанку» [1, с. 95]: «Всемирного Христа целует Иуда, предает Его, а Ваш российский легендарный Христос целует сам Иуду, и случись то когда-нибудь на земле, вся история воистину будет «дьяволов водевиль» [1, с. 96]. Пан Юлиуш считает, что Христос в поэме Ивана Карамазова — это лже-Христос, антихрист: «Вас, россиян, не соблазняет разве страшный дух Небытия — подменить и подновить Христа по-своему?» [1, с. 96] Вторая проблема русского народа — его пассивность, покорность: «Люди устанут бунтовать. Стоскуются по рабству» [1, с. 93].

Искажение христианского вероучения идеологами русского народа и покорность народа приведут его к измене, отказу от Христа. «Велика в вас Тяга Земная», — упрекает пан Юлиуш своего собеседника, используя аллюзию к былине о Святогоре, не сумевшему справиться со своей силой. «Тяга земная» — это и камни, обращенные в хлеб, — из евангельской истории искушения Христа, которую вспоминает Великий Инквизитор. Отход от Истины русского народа может произойти из-за излишней приверженности к материальным благам.

Наконец, пан Юлиуш упрекает русский народ в гордости. «Смирись, гордый человек!» — эти слова из «Дневника писателя» Достоевского можно обратить, по его мнению, и к русскому народу: «Откиньте вашу безмерную, почти сатанинскую народную спесь и вместе рабское унижение перед Европой» [1, с. 96].

О какой гордости идет речь? О «спеси самого нового Третьего Рима — Москвы» [1, с. 95]. Пан Юлиуш концепцию Третьего Рима считает выражением гордыни русского народа. Противоречием русского народа является, по его мнению, то, что вера в преемственность России и Византии соединяется в русском человеке с преклонением перед Западом. Вновь возникает прецедентная

ситуация из поэмы «Великий Инквизитор».

Таким образом, обращение к поэме Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» необходимо пану Юлиушу, чтобы предостеречь от возможных ошибок в истории России. По его мнению, русский народ пассивен, он преклоняется перед властью, перед Западом, привержен материальным благам, устал бунтовать, его душа смирилась и умерла. Вместе с тем, пока жива теория Москвы — Третьего Рима, русский человек не может смириться до конца. Поцелуй Пленника в поэме «Великий Инквизитор» — это символ, по мнению пана Юлиуша, искажения христианского вероучения, подмена Христа антихристом, предательство народа, отказ его от Христа.

Пан Юлиуш выражает веру, что самоопределение русского человека поможет ему освободиться от гордости и от «рабского унижения», в противном случае, народ потеряет отчизну, поскольку «Отчизна там, где сыны ее; где рабы, там нет отчизны...» [1, с. 99].

Обращение к поэме «Великий Инквизитор» в повести Золотарева «На чужой стороне» помогает писателю заглянуть в будущее России и предостеречь русский народ о том, что он может отойти от Истины.

С.А. Бесоконова, г. Ярославль.

Список литературы:

1. Золотарев А.А. На чужой стороне / А.А. Золотарев // Знание. СПб., 1911. № 35. С. 1–131.
  2. Золотарев А.А. Campo santo моей памяти: Мемуары. Художественная проза. Стихотворения. Публицистика. Философские произведения. Высказывания современников / Ред.-сост. В.Е. Хализев; отв. ред. Д.С. Московская. СПб.: Росток, 2016. 960 с.
  3. Золотарев А.А. Достоевский в Омской каторге по воспоминаниям Симона Токаржевского (1911)
  4. Осипова Е.А. Россия и славянский мир: по повести А. А. Золотарева «На чужой стороне» / Е.А. Осипова // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 65–72.
- Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/rozanov_v/legenda_o_velikom_inkvizitore/read/ (дата обращения: 30.09.2017)